

Бай Линъюнь закинул ногу на ногу, кивая на каждое слово Чэнь Фушэна.

Никчемный, ничего не добился, подвел основателей труппы, не в состоянии прокормить стариков и детей — каждое слово было чистой правдой!

Приходилось признать, что самооценка и самоанализ у Чэнь Фушэна были на удивление точными.

Что же до последовавшего за этим потока бессвязной лести, то он попросту пропустил его мимо ушей, даже не вникая.

— Поэтому, господин Бай, умоляю, примите моего племянника в ученики!

Чэнь Фушэн, только что перемежавший самокритику с дифирамбами, вдруг сделал резкий кульбит в речи. Бай Линъюнь, не ожидавший такого поворота, едва не кивнул по привычке, но в последний момент затормозил и ошарашенно уставился на собеседника.

— Что ты сказал?

Чэнь Фушэн стиснул зубы, нажал ладонью на затылок стоявшего рядом подростка, и оба — старый и малый — с глухим стуком рухнули на колени.

Едва их коленки коснулись пола, как послышались три звонких удара лбом о землю.

Бай Линъюнь вздрогнул, поспешно вскочил со стула и отпрянул в сторону. Это же надо — так жизнь ему укорачивать!

— Что вы творите?

Чэнь Фушэн уже понял: с талантом Бай Линъюня, одинаково блестящего и в драме, и в боевых сценах, он прославится не только в столичных кругах — известность на всю страну была лишь вопросом времени.

Если Чуньхэтан раньше смотрел на него свысока, это не значит, что так будет всегда. У Шэнфубань не было контракта, который мог бы удержать Бай Линъюня. В любой день, стоит Чуньхэтану лишь поманить, и этот талант придется вернуть — как пришел, так и уйдет. А что тогда останется от Шэнфубань? Даже подмены не найдется! Разве не зря тогда он два дня надрывался, распродал последнее и вкладывал все свои скудные гроши?

— Господин Бай, мой племянник очень послушный, вы можете быть за него спокойны на все сто двадцать процентов. К тому же он схватывает на лету, память у него отличная — стоит один раз увидеть, как он тут же всё в точности повторит. У меня-то таланта нет, научить его я

не в силах. Сегодня я решился отбросить стыд и прошу вас: примите его!

Бай Линъюнь взглянул на Чэнь Фушэна, у которого по лицу текли слезы вперемешку с соплями, затем перевел взгляд на подростка, чью голову украшало пятно грязи, и, схватившись за виски, отвернулся.

Смотреть на это было невыносимо.

Чэнь Фушэн вытер лицо рукавом, твердо решив не вставать, пока Бай Линъюнь не даст согласия.

— Господин Бай...

Бай Линъюнь перебил его:

— Если вам непременно нужно стоять на коленях, чтобы разговаривать, то будьте любезны, выйдите за дверь. Там и обзор лучше, и места много, и шею не затечет. Всем будет спокойнее.

Он терпеть не мог этих дурацких обычаев с коленопреклонением, но был бессилен что-либо изменить, поэтому предпочел просто выставить их вон, чтобы не мозолили глаза. К тому же он не верил, что Чэнь Фушэн, глава труппы, позволит себе унижаться на глазах у всех ради потехи публики.

Ситуация зашла в тупик. Если Чэнь Фушэн продолжит упорствовать, это будет уже откровенное бесстыдство, ведущее к полному разрыву отношений.

Тяжело вздохнув, он с досадой ущипнул мальчишку за бок и, ухватив за шиворот, рывком поднял на ноги.

— Ну что ты за бревно бессловесное! Хоть слово скажи господину Баю!

Подросток поморщился от боли, но не посмел увернуться. В его глазах стояли слезы, он лишь робко втянул голову в плечи.

Чэнь Фушэн в ярости топнул ногой. Его покойный старший брат не оставил ни гроша, зато подкинул ему этого «дармоеда».

Тот заговорил только в пять лет, да и то — лишь диким воплем, когда его припугнули, что продадут торговцам людьми. С тех пор, кроме как во время пения на сцене, он вел себя как немой: бей его, ругай — ни звука в ответ.

Чэнь Фушэн, распаляясь от злости, отвесил мальчишке серию оплеух, да с такой силой, что у Дай Пэйчуаня, наблюдавшего за этим, лицо побелело, а дыхание перехватило.

— Довольно!

Бай Линъюнь не выдержал. Он резко обернулся и с гневом в голосе отрезал:

— Хотите драться — идите за дверь! Устраивать скандалы в моей комнате... если кто увидит, скажут, что это я, Бай Линъюнь, притесняю слабых и обижаю вашу семью. А какой-нибудь сплетник разнесет по городу, что у меня скверный характер и я жестокий человек!

Эти слова прозвучали быстро, жестко и очень метко. Увидев, как Бай Линъюнь покраснел от возмущения, Чэнь Фушэн больше не посмел настаивать. Ему пришлось рассыпаться в извинениях и улыбках, временно отступить и понуро увести племянника.

Как только они ушли, Дай Пэйчуань тут же запер дверь, опасаясь, что этот бесстыдник вернется.

Раздраженный выходками Чэнь Фушэна, Бай Линъюнь скинул обувь и залез под одеяло.

Не поворачиваясь к Дай Пэйчуаню, он буркнул:

— После полудня никого не принимать. Я сплю!

Дай Пэйчуань послушно отозвался:

— Хорошо!

Бай Линъюнь понял по голосу, что что-то не так. Обернувшись, он увидел, что худощавая фигурка мальчишки застыла у двери, закрывая собой щели, из которых тянуло сквозняком. Тот стоял, словно на посту перед лицом врага.

Ну вот, какой уж тут сон!

Если он проспит весь полдень, этот дурачок так и будет стоять, простужая спину!

Бай Линъюнь выбрался из-под одеяла, сел на кровати, скрестив ноги, и поманил Дай Пэйчуаня к себе.

— Сяо Чуань, иди сюда.

— Брат больше не будет спать? — с сомнением спросил Дай Пэйчуань, подходя к кровати.

Бай Линъюнь приподнял подбородок, приглашая сесть рядом.

Дай Пэйчуань теребил край одежды. Это был новый наряд, который недавно купил ему брат. Он так берег его, что на нем не было ни пылинки. Каждый вечер он аккуратно снимал его, протирал тряпочкой, выворачивал и складывал. Поколебавшись, он присел на самый край кровати.

Бай Линъюнь приподнял бровь:

— Ты же парень, а сидишь, словно девица?

Дай Пэйчуань смущенно хихикнул и передвинулся чуть дальше, чтобы сесть увереннее.

Бай Линъюнь набросил ему на ноги край одеяла и спросил:

— Что ты думаешь о просьбе главы труппы Чэня взять его племянника в ученики?

Дай Пэйчуань нахмурился, глубоко задумавшись.

— Глава Чэнь боится, что вы уйдете из Шэнфубань. Если вы возьмете Ин-эра в ученики, то хотя бы обучите его паре приемов. Даже если он не заработает на полноценную еду, на жидкую кашу ему хватит.

Ого! Бай Линъюнь был поражен.

Он знал, что Дай Пэйчуань не по годам развит, но не ожидал, что настолько.

Тринадцатилетний подросток, который еще даже не вошел в пору зрелости, с легкостью раскусил все хитроумные планы Чэнь Фушэна.

— А еще? Что еще ты можешь сказать?

Дай Пэйчуань застеснялся, потер кончик носа, и его лицо залилось краской.

— Брат, пока это всё, до чего я додумался.

Бай Линъюнь удовлетворенно кивнул:

— Племянника главы Чэня зовут Ин-эр?

— Это прозвище. Настоящее имя — Хо Инци.

— Он из рода Хо?

Значит, племянник Чэнь Фушэна носит другую фамилию?

Дай Пэйчуань прикрыл рот рукой и прошептал:

— Старые мастера говорили, что мать Ин-эра была дочерью богатого семейства с юга. Она выбрала брата главы Чэня в мужья и приняла его в свой дом, так что Ин-эр носит фамилию матери.

Бай Линъюнь понимающе кивнул. Вот оно что. Впрочем...

<http://bllate.org/book/19185/1883628>